

темы, суммирующие событийный материал того или иного дела, подлежащего судебному рассмотрению. На уровне структурной организации события преступления крупные функции образуют доминантный уровень, содержащий придоминантные узлы, которые в свою очередь могут предполагать следующий уровень развёртывания сюжета. Конкретизация доминанты на первом уровне связана с действиями, направленными на промежуточное достижение цели. Второй уровень конкретизации связан с тактико-техническими операциями, которые приспособляют действие к конкретным условиям достижения цели. Они позволяют ответить на вопрос *как, каким образом* осуществляется убийство, кража, захват заложника в конкретном случае. Например, *похищение* человека раскладывается на такие узловые сцены, как *захват* жертвы – её *перемещение* из одного места в другое – последующее *удержание* с ограничением свободы действий в течение неопределённого промежутка времени. В свою очередь каждая сцена предполагает разложение её номинанта на ряд вариативных конкретизирующих его образований: *Захват: Блокирование автомобиля жертвы → Нападение → Принуждение силой (или угрозой оружия) покинуть автомобиль → Пересаживание в автомашину похитителей*. Сюжетное развёртывание, в данном случае, возможно благодаря тому, что действие, обозначаемое глаголом *похищать* не элементарно, сопряжено с рядом конституирующих его активных действий и не единственным способом осуществимо. Развёртка события в нарративных структурах судебного дискурса (в отличие от художественного) детерминирована относительно жёстко и конкретизация действия на каждом уровне его развёртывания не безгранична, как и количество самих уровней. Это обусловлено тем, что действие выступает как независимое от элементарных действий, если последние не выполняют по отношению к нему юридически конституирующей роли. Предел свёртывания события – условное обозначение числами и буквами, указывающими на статью закона, нарушение которого вменяется в вину. Каждый придоминантный узел вместе со своими зависимыми образует целостную и относительно автономную синтаксическую группу.

Линейная организация событийного материала ведётся по придоминантным узлам по принципу фразового нанизывания всех нижестоящих функций, когда каждая фраза по смыслу задаётся предыдущей и определяет последующую, что продиктовано намерением говорящего раскрыть тему и связать текст события в единое целое.

Увязывание событийного материала происходит в соответствии с законами композиционного построения рассказа. К базовым типам композиции, используемым в судебном дискурсе, относятся линейная и фрагментарная. Любая акциональная последовательность может быть разбита на множество отдельных кадров различной крупности. Осуществляя такую разбивку, стороны по делу проводят аналитическую работу по формированию знания о событии. Рассмотрение события в целостности или по фрагментам – это также две противоположные тактики построения дискурса. Распространённым является мнение, что в судебном заседании рассказ, как в эстафете переданный по частям несколькими «своими» свидетелями, убедительнее, чем тот же рассказ, повторенный каждым из них. Построение, при котором событие рассматривается с разных точек зрения глазами нескольких лиц, «подобно тому, как деталь, доводимая до нужной формы, поочерёдно обрабатывается несколькими резцами, подаваемыми вращающейся обоймой», в теории повествования называют «револьверным» [Веллер, 2006]. Оно позволяет рассмотреть произошедшее и его участников как со стороны, так и изнутри, их собственными глазами. Судебный нарратив строится из нарративных линий различных участников дискурса (свидетелей, потерпевших, подсудимых); точки пересечения этих линий образуют факты, имеющие доказательственное значение.

Презентационные типы юридического нарратива могут быть миметическими (в диалогической форме отражающими юридический дискурс) и опосредованными (оформленными в виде повествования о юридически релевантном событии с позиции различных участвующих в дискурсе лиц).

Агональная природа судебного нарратива проявляется в коммуникативном поведении его различных типовых участников, находящихся

внутри или вовне по отношению к референтному событию. Внутренние участники события могут быть представлены как актанты юридической пропозиции, внешние участники формируют модальную рамку пропозиции и занимают одну из позиций – критик либо эмпатик.

Судебный нарратив развёртывается в соответствии с жанровым форматом дискурсно-процессуального события, включающим ситуативную, нормативную и интенциональную составляющие. Ситуативная составляющая представляет собой повторяющийся фрагмент коммуникативной практики (допрос, судебная речь), нормативная – сводится к деонтологической базе коммуникативного события (конвенции жанра, скрипты коммуникативного поведения), интенциональная составляющая заключается в речеактовой основе соответствующих жанров судебного дискурса. Наррация является действием, выражает перформативный аспект судебного дискурса (рассказывая о произошедшем, участник дискурса даёт показания). Особое значение придаётся правилам, по кото-

рым производится нарративное высказывание в ситуации взаимодействия и реализуется (посредством данного высказывания) юридически релевантная интенция.

Литература:

1. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику: монография / А.С. Александров. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. правовой академии, 2003 (а). – 420 с.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / под ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
3. Бремон, К. Логика повествовательных возможностей / К. Бремон // Семиотика и искусствоведение. – М.: Мир, 1972. – С. 108–135.
4. Веллер, М.И. Технология рассказа / М.И. Веллер // Песнь торжествующего плебея. – М.: АСТ Москва, 2006. – 368 с.
5. Женетт, Ж. Границы повествовательности / Ж. Женетт // Фигуры. В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 60–281.
6. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
7. Roermund, G van. Law, Narrative and Reality. An Essay in intercepting politics / G. van Roermund. Den Haag: Kluwer Academic Publishers, 1997. – 252 p.

Н.Н. Панченко

ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК МЕЖДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Достоверность как междискурсивная категория имеет особенности в дискурсах различных типов: в научном, политическом, масс-медийном, религиозном, юридическом и др. Данная категория варьируется в дискурсивном пространстве на осях объективности – субъективности, рациональности – иррациональности, информативности – интерпретативности / воздействия / аффективности, точности – смысловой неопределенности, подлинности – подделки / правдоподобия, соответствия – несоответствия действительности.

Достоверность в научном дискурсе – гносеологический факт, фундаментальный принцип квалификации содержания научного знания, с одной стороны, конститутивный признак научного дискурса (рационального мышления) – с другой. Изучение реальности и установление закономерностей сопровожда-

ется удостоверением в их истинности. С одной стороны, достоверность выступает как структурный элемент научно-исследовательской деятельности, инвариант научного знания наряду с гипотезой, новизной и т. д. С другой, достоверность в научном дискурсе выступает в качестве критерия истинности, трактуя полученные результаты как соответствующие / не соответствующие действительности.

Религиозный дискурс концентрируется вокруг системообразующей, концептуальной доминанты «вера», приобщение к которой является основной целью религиозного дискурса. Достоверность в религиозном дискурсе выступает в качестве вторичной категории после понятия веры. Религиозный опыт может рассматриваться как особая разновидность познания, но в отличие от научной достоверности «высшая достоверность» религиозных догматов

сопровождается некритическим отношением, восприятие феноменов в качестве достоверных происходит без объективных оснований и доказательной базы. Достоверность в религиозном дискурсе – факт онтологический, духовная реальность принципиально не удостоверяема в научном смысле слова и не доказуема рациональным способом. Достоверность в научном и религиозном дискурсах варьируема на осях объективности – субъективности, рациональности – иррациональности, где научный дискурс тяготеет к полюсу объективности, рациональности, а религиозный – к крайней точке субъективности, иррациональности.

Проблема достоверности информации в *политическом* дискурсе осложняется тем, что «целый ряд характерных для него жанров и типов высказываний связан с таким видом содержания, которое в принципе не поддается верификации» [Шейгал, 2000, с. 190]. Искаженная реальность в политическом дискурсе формируется с помощью смысловой неопределенности, использования метафор, идеологических коннотаций и пропагандистских лозунгов, апеллирующих к общечеловеческим ценностям и правам человека, эвфемистических замен. Коммуникативное поведение политика, обусловленное борьбой за власть, стратегически сходно с манипулированием и обманом. Достоверность в политическом дискурсе обусловлена варьированием в рамках информативность – интерпретативность, информативность – аффективность, информативность – воздействие, точность – смысловая неопределенность.

Юридический дискурс предполагает необходимость подтверждения достоверности полученной в ходе дознавательного процесса информации. Условием юридической коммуникации является точность обозначения, отсутствие смысловой неопределенности. Актуальной для юридического дискурса является реализация категории достоверности в таких специфических речевых поступках и жанрах, как клевета и (ложный) донос, располагающихся на стыке персонального и институционального дискурсов. Варьирование достоверности в юридическом дискурсе происходит в рамках шкалы подлинность – подделка, адекватность – несо-

ответствие действительности, достаточность – недостаточность доказательств / оснований для вынесения вердикта.

Для *медицинского* дискурса в целом «характерна тенденция к повышению достоверности информации путем устранения личного (субъективного) начала» [Жура, 2008, с. 135]. Достоверность в медицинском дискурсе фокусируется на извлечении адекватной информации у пациента и предоставлении ему полной и точной информации о заключении и рекомендациях. Выбор стратегии информирования пациента оказывается под воздействием двух противоположно действующих интенций. Речь идет о нравственной аргументации, выборе между сообщением достоверной информации (соответствующей норме речевого действия), которая может повлечь за собой негативные для пациента последствия (эмоциональные, физические и т. д.), и недостоверности информации (соответствующей этической норме, что квалифицируется как неправда в интересах пациента), оправдываемой гуманистическими соображениями.

В *массмедийном* дискурсе проблема достоверности информации, в первую очередь, связана с такими категориями, как «информативность», «точность», «объективность». Достоверность информации в массмедийном дискурсе зависит от фактора надежности источника информации, включая способ и обстоятельства получения источником этой информации, и связанных между собой категорий информативности – интерпретативности, с одной стороны, и субъективности – объективности изложения – с другой.

Достоверность в *рекламном* дискурсе коррелирует с базовыми функциями информирования и воздействия. К особенностям рекламного дискурса также относятся императивность и побудительность, взаимодействующие с семантической желательности и возможности. Впечатление правдивости содержания создается введением в контекст рекламы апелляции к авторитету / авторитетному мнению, аргументов «за» и «против» и других распространенных приемов воздействия на получателя. Воздействие в рекламе преследует цель повлиять на когнитивный (знания), аффективный (чувства), интенцио-

нальный уровень адресата – заставить поверить в достоверность информации и совершить внушаемое действие, чаще связанное с приобретением товара. Информация в рекламе не может быть объективной по определению, это всегда пристрастная информация. Субъективность, неопределенность, генерализация и манипулятивность рекламного текста рождает недоверие к рекламной информации и снижают уровень достоверности. В результате можно построить некоторую систему основных соответствий достоверного и недостоверного: событие/факт – оценка (квалификация) / интерпретация, знание – мнение, факт – фактоид и т. д.

Достоверность, представляя собой дискурсивное измерение, носит градуальный характер.

Специфика вариативности достоверности в том или ином типе дискурса обусловлена вариативностью реализующих ее категорий: точность, информативность, объективность, правдоподобие и выражается в рамках противопоставлений «информативность – интерпретативность», «точность – приближительность» «объективность – субъективность», «подлинность – правдоподобие».

Литература:

1. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 407 с.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

В.М. Русаков

ПУТНИК

Центральный концепт Травелога (наряду с Путем, Приключением), имеет ярко выраженный архетипический характер, что проявляется в широком спектре воплощений, тесно связанных между собой: П. – это и путешественник, странник-паломник, искатель приключений, беглец, вождь движения и полководец, или просто юноша, получающий первые необходимые уроки жизни, взросления или мудрец, обуреваемый духовными исканиями. П. обретает всю полноту своих качеств в процессе совершения Пути и переживания Приключений, даже если единственным Приключением его является его жизнь. В мифологическом сознании субъективный характер П. не выделяется, снижается предписаниями рока, судьбы, предопределения (Ахиллес уходит на троянскую войну, потому что «героям так надо», должно поступать), в литературе научной субъективное начало тоже сдвигается на второй план по сравнению с содержательностью повествования и то лишь

из соображений защиты научного приоритета (открытия неведомого). Только в художественной литературе в полной мере раскрываются субъективная и субъективно-личностная сторона П.: он в Пути и через Приключения становится личностью, из персонажа становится героем, даже если не он, а его выбирает Путь – это все равно драма личности и Травелог показывает нам либо победу П. над Путем или трагическую участь П., побежденного, раздавленного Путем (беглец, бродяга, перекасти-поле).

Литература:

1. Русаков В.М. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре / Дискурс травелога. Сб. статей. Авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс-Пи», 2009. С.131–139.
2. Толстикова А.В., Кошелева О.Е. НОМО VIATOR // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука. 2010. С. 5–10.
3. Шубарт Х.Ф.Д., Легенда об Агасфере – «вечном жиде» / Под ред. и с предисл. М. Горького. П., 1919.

ПУТЬ

Один из центральных концептов в дискурсе травелога (повествования о реальном

или мнимом путешествии) наряду с Путником и Приключением. Архетипический характер